

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
УЧРЕЖДЕНИЕ НАУКИ
ВОЛОГОДСКИЙ НАУЧНЫЙ ЦЕНТР РАН

ИНФОРМАЦИОННЫЙ
ВЫПУСК № 21
(2382)

Серия

«ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ»

ВолНЦ РАН продолжает знакомить своих подписчиков с наиболее интересными, на наш взгляд, публикациями, затрагивающими актуальные вопросы российской экономики и политики.

В выпуске представлено интервью Екатерины Глушик с прозаиком и драматургом Юрием Поляковым «Парадоксы культуры», опубликованное на сайте газеты «Завтра», 26 января 2024 г. URL: https://zavtra.ru/blogs/paradoksi_kul_turi

Вологда
февраль 2024

Парадоксы культуры

Разговор с прозаиком и драматургом Юрием Поляковым

Екатерина ГЛУШИК. Юрий Михайлович, в своём творчестве вы отражаете события актуальной жизни, происходящее здесь и сейчас. Писать об этом, с одной стороны, легко: что вижу, то пою. С другой стороны, непросто заинтересовать тем, что человек и сам знает. Чем вы завоевываете внимание избалованного выбором книг читателя?

Юрий ПОЛЯКОВ. Не думаю, что читатель сегодня избалован широтой качественного выбора. А чепухи всегда на полках было в достатке. Большинство писателей пишут о том, что их окружает. Тургенев, например, в своё время был суперактуальным писателем, его даже обвиняли в конъюнктуре: только нигилисты зародились, он уже про них роман выпускает – «Отцы и дети». Достоевский писал на злободневные темы, плотно работал с текущей периодикой, многие сюжеты своих произведений брал из судебных отчётов. Конечно, есть жанр исторический, есть писатели-фантасты, но любой реалист пишет об окружающем его мире. Иное дело, что книги одних авторов интересны небольшому кругу людей на небольшом отрезке времени. А другие, их немного, становятся классикой. А насколько эта актуальность будет интересна спустя годы, зависит от того, как глубоко раскрыты темы, как живо написаны характеры, насколько хорош слог. Сейчас, к сожалению, литературу практически перестали оценивать по уровню языка. Зашла как-то речь о лауреате премии «Ясная Поляна», произведение которого очень плохо написано – бедным, корявым, почти нерусским языком. И вдруг слышу от критика: «Но не это же главное в литературе». А что тогда? В живописи главное – цвет, в литературе – язык. Однако появилась целая тусовка критиков, для которых язык произведения не главное. Но читатель, кстати, безошибочно определяет, что достойно внимания, интересно, а что нет. Лживой и агрессивной критикой можно его сбить с толку, но лишь на какое-то время.

Автор по-настоящему задерживается в литературе только тогда, когда его начинают перечитывать. Классик – это перечитываемый писатель. Если тебя перечитывает одно поколение – ты маленький классик, если два – ты классик побольше. А если тебя, как Шекспира или Пушкина, перечитывают из поколения в поколение – ты мировой классик.

Екатерина ГЛУШИК. Особенность вашего стиля – афористичность, ваш язык изобилует метафорами. Наш незабвенный друг Джульетто Кьеза, прекрасно знавший русский язык, ценил ваши книги, но говорил, что их трудно перевести на другой язык: столько игры слов, аллюзий. То есть ваше достоинство как писателя превращается в этакий минус.

Юрий ПОЛЯКОВ. Я помню наши совместные походы на постановки моих пьес в Московский художественный театр, в театр Рубена Симонова. Да, Джульетто хорошо знал русский язык, но, как многие иностранцы, не улавливал идиоматические тонкости, смыслы, понятные носителям языка. На спектакле «Контрольный выстрел» в театре Дорониной, помню, все смеются, а он удивляется: чему? Пришлось объяснить, и он согласился: да, это смешно.

В принципе, любая хорошая литература непереводаема на сто процентов. Особенно поэзия. С прозой полегче, хотя не со всякой. Мне трудно себе представить, насколько хорошо на другие языки переводят Достоевского с его постоянным пародированием предшественников, с отсылками к текущим событиям. Думаю, иностранные переводчики просто не заморачиваются на этот счёт. У нас была великая школа художественного перевода, умевшая найти русский эквивалент самой сложной языковой фигуре оригинала. Автор заранее знает: чем тоньше он работает со словом, тем сложнее его будет перевести. А что делать? К сожалению, многие современные прозаики пишут таким бедным языком, что на английский, например, их можно перевести с помощью школьного словарика, где всего три тысячи слов.

Некоторые мои вещи изданы за рубежом, и переводчики жаловались на трудности. Кстати, на китайском вышли все мои основные произведения. Китайский переводчик, профессор Джан, если что-то ему было непонятно, писал подробный вопросник, а я так же досконально объяснял «трудные места». Однажды я спросил, не возникает ли лексических проблем при переводе эротических эпизодов. Он на меня снисходительно посмотрел: «Юрий Михайлович, по сравнению с китайской эротической лекси-

кой русская – это детский сад, это пустыня Гоби. У нас с этим всё в порядке. Смело и дальше пишите эротику, обогащайте язык!»

Екатерина ГЛУШИК. Когда была учреждена Сталинская премия, в том числе в области литературы, произведения лауреатов Сталин отбирал сам, а премиальный фонд формировался на деньги от гонораров за его статьи и книги. А сейчас учреждено множество премий имени литературных классиков: и Толстого – одного, другого, третьего, и Есенина, и Бунина... Интересно, сами классики одобрили бы произведения «своих» лауреатов? Вы тоже лауреат такого рода премий. Вам перед классиками не стыдно за свои произведения?

Юрий ПОЛЯКОВ. Перед классиками всегда стыдно, до них расти и расти. Когда сравниваешь себя с лауреатом премии «Ясная Поляна», чувствуешь себя титаном, а когда сравниваешь с главным обитателем Ясной Поляны – пигмеем.

Конечно, во многом премии девальвированы, их раздают по принципу «как не порадовать родному человечку». Текст почти не имеет значения. У меня есть некий опыт. Я входил в число «академиков» премии «Большая книга», но не особенно вникал в тонкости кухни. Вдруг меня сделали сопредседателем премии, я вблизи посмотрел и говорю: «Это что ещё за лохотрон? Вы играете в какие-то свои игры, суёте в лауреаты бывших жён, будущих мужей, отцов, дочерей, идейных сторонников, коллег по нетрадиционной сексуальной ориентации – кого угодно, только не действительно талантливых писателей». И сложил с себя полномочия академика. Был скандал. В одном из последних выпусков «Бесогонна» Михалков, говоря о «Большой книге», кому её дают, цитировал мою статью восьмилетней давности. Мог бы и раньше заметить...

Вообще премия «Большая книга» и структура «Роспечать», которая её курирует – это горе нашей словесности. Не знаю, принёс ли кто больше вреда отечественной литературе, чем Роспечать? Может, какой-нибудь Пролеткульт? И то не уверен. Пролеткульт просуществовал сравнительно короткий отрезок времени, у большевиков хватило ума понять, что страна идёт к войне и надо эксперименты с культурой сворачивать. Патриотов воспитывает традиция. «Три богатыря», а не «Чёрный квадрат». А у нас тридцать лет в кубики играют. Даже начавшаяся Специальная военная операция не заставила руководство разобраться: что же в литературе происходит? Как так вышло, что значительная часть лауреатов «Большой книги» оказалась среди подписантов протеста против СВО? Это же не случайное совпадение.

Екатерина ГЛУШИК. Действительно, то, о чём сейчас заговорили громко и с высоких трибун, вы писали много лет назад. У вас вышла статья, а потом и книга «Перелётная элита». На эту тему кто-то говорил урывками, намечая вопрос, а вы чётко поставили проблему, сказали, кто виноват и что делать. Ещё тогда вы дали всем этим испуганным патриотам и голым вечеринкам исчерпывающую оценку. К вашему голосу хоть кто-то из власть имущих прислушался?

Юрий ПОЛЯКОВ. Имевшие уши слышали, но решения при этом принимали удивительные. Лет десять назад разразился скандал, когда мы в «Литературной газете» написали о постановке в театре Вахтангова «Евгения Онегина» с явными русофобскими выпадами. Это страшно обидело тогдашнего художника Римаса Туминаса, который был таким небожителем, причём русофобом-небожителем.

Но там же кроме него были и технические исполнители. Они написали открытое письмо мне, что мы клеветаем на театр и лично на Туминаса, к слову, гражданина Евросоюза. Что тут началось! Вызг, коллективные письма. Больше всех бушевал и пенился директор театра Кирилл Крок. В итоге нас всех вызывали в Администрацию Президента...

Екатерина ГЛУШИК. На ковёр?

Юрий ПОЛЯКОВ. Не то что бы на ковёр, а для разговора. И там стали переводить стрелки на меня. Мол, не надо Туминаса трогать. «А вас не смущает, что на сцене русского академического театра гражданин в сущности враждебной нам Литвы издевается над нашими ценностями?» Нет, оказалось, не смущает, мы показываем так свою широту и приверженность общечеловеческим ценностям. Но едва началась СВО, Туминас уехал, пожелав нам провалиться в тартарары, зато Крок, подголосок отъехавшего Туминаса, стал вице-президентом «Золотой маски» и даже доверенным лицом главного кандидата в президенты. Как на это реагировать? Но я в таких случаях себя успокаиваю: Михаилу Афанасьевичу Булгакову, обложенному Латунскими и Берлиозами, было ещё хреновей, но ему Сталин позванивал...

Екатерина ГЛУШИК. Вы сказали, что к писателям ныне практически не прислушиваются, но на творческих встречах с писателями читатели задают вопросы в основном не о произведениях, а о волнующих политических событиях. На встречах с актёрами и музыкантами, например, этого не происходит. Почему, на ваш взгляд, люди за разъяснениями, советами обращаются именно к писателям? Роль писателей в русском обществе всё-таки сохранилась?

Юрий ПОЛЯКОВ. Сохранилась, скорее, память об этой роли. Сегодня писателей, которые не боятся откровенно высказать своё мнение, можно пересчитать по головам. Преобладает совсем другой тип: молчуны или бормотуны. Они никогда не выскажутся по поводу происходящего, разве повторят общечеловеческие мантры. Их к этому приучили. Помню эпизод, сидели в ЦДЛ я, Александр Андреевич Проханов и прозаик Пьецух, талантливый, кстати, писатель. Вдруг Пьецух, ничего не говоря, вскочил и выбежал. Мы с Прохановым пообщались, и он ушёл. Вскоре вернулся Пьецух, объяснился: оказывается, в зал вошёл председатель жюри Букера. «Ну и что такого?» «Ты не понимаешь! Если бы он увидел меня за одним столом с Прохановым, я бы даже в длинный список не попал!» Вы хоть раз слышали, чтобы тот же Водолазкин высказался о том, что происходит в стране и мире? Ни слова! А он ведь член президентского совета по культуре. Так же вёл себя в два последние десятилетия своей жизни Владимир Маканин. И литературная молодёжь берёт с них пример.

К сожалению, материальная зависимость тоже влияет. Писателей, у которых книги расходятся большими тиражами, немного. Нас можно по пальцам пересчитать. Сейчас средний тираж 2–3 тысячи, а с него гонорар мизерный – только обмыть выход книги. Основным источником доходов для писателя сделали премии. Это очень лукавый ход. При советской власти какая система была? Сначала выходит книга, её оценивают читатели, критики. Если успех очевиден, тогда возможна премия. Сейчас всё перевернули с ног на голову, иной раз награждают за рукопись... Премия стала не знаком качества, а элементом рекламы, коммерческой раскрутки. В этом смысле советский автор, книги которого широко расходились, был достаточно независимым в материальном отношении человеком. Сейчас он абсолютно зависим. Если ему не дали очередную премию, ему и жить-то не на что. Поэтому писатели и стоят по стойке «смирно». Причём команды им подаёт не государство, финансирующее премиальные фонды, а тусовка, преследующая вовсе не державные интересы. Это один из парадоксов устройства нашего культурного пространства, оно существует на казённый кошт, но служит совсем иным силам. Потому-то многие уехали из России, когда началась СВО.

Екатерина ГЛУШИК. Вы состояли в кадровом резерве на пост министра культуры России. В «Литературной газете» была рубрика «Если бы я был директором». А если бы вы были министром культуры, что бы вы хотели сделать непременно? Удалось бы вам что-то серьёзно поменять?

Юрий ПОЛЯКОВ. Если бы я стал министром культуры, то вскоре сошёл бы с ума. Это работа не для писателя. Да, я был в кадровом резерве. Это был 2008 год, тогда как раз курс начал меняться после Мюнхенской речи Путина. У меня неплохие анкетные данные: по возрасту подходил, кандидат наук, состоял в Совете по культуре при президенте, откуда меня, кстати, тихо вывели, когда я выпустил книгу «Желание быть русским». Видимо, это закономерное желание как-то несовместимо с пребыванием в президентском совете. И вот мне звонят: Юрий Михайлович, желательно в ближайшие несколько дней никуда не уезжать и не злоупотреблять. И я с ужасом подумал: а вдруг пройду собеседование, и что тогда? Жизнь кончилась, прозаседаюсь. И когда жена мне сказала, что телевизор сообщил о назначении какого-то Авдеева, я прыгал от радости, даже выпил.

Конечно, сегодня нужна радикальная перестройка всей системы культуры. Ведь что получается: к примеру, государство через Фонд кино финансирует игровой фильм, посвящённый крещению Руси. Он выходит на центральном канале в День народного единства и называется «Викинг». Выходит, в момент противостояния с Западом за казённые деньги ЦТ навязывает обществу норманнскую теорию, которая серьёзными учёными давно оспорена. Если за такой ляп никто не отвечает и на следующий день не кладёт на стол партбилет, как это было в известные годы, система работать не будет. Нет партбилета – акции положи на стол, и до свидания!

Одному человеку, даже уровня Луначарского или Мелентьева, это не под силу. Должен поменяться целый слой чиновников. Надеюсь, когда в мирную жизнь вернуться люди, которые сейчас участвуют в СВО, они смогут кардинально что-то поменять. После колоссальных утрат и потерь Великой Отече-

ственной войны небывало быстрое восстановление нашей страны, рывок вперёд во многом определялись тем, что к руководству в разных сферах пришли фронтовики. Это было фронтовое братство, они друг друга понимали с полуслова, многие вопросы решали без волокиты, как на передовой. Они осознавали сверхценность для России государства, понимали значение культуры, у них было другое отношение к карьере, нежели сейчас.

Через СВО прошли десятки тысяч людей, и наша власть обязана привлечь этих пассионариев к решению насущных задач. Но их побаиваются, ведь если эти требовательные патриоты начнут наводить в стране порядок, то неудобные вопросы зададут всем без исключений.

Екатерина ГЛУШИК. Вы сказали, что если бы стали министром культуры, то сошли бы с ума. Считается, человек творческий – не вполне организованная, способная к управлению натура. Но вы были главным редактором «Московского литератора», руководили «Литературной газетой», подняв её буквально со дна, сделав одним из уважаемых и интересных изданий, организовали фестиваль пьес, учредили Национальную ассоциацию драматургов. Это ваша неуёмная гражданская позиция «если не я, то кто же»? Или вы просто трудоголик?

Юрий ПОЛЯКОВ. Министерство – это работа прежде всего с аппаратом. В своё время я был молодым коммунистом, членом парткома Московской писательской организации, кандидатом в члены ЦК комсомола, и меня настойчиво приглашали на работу и в ЦК ВЛКСМ, и в горком партии... К удивлению многих, я отказался. Я столкнулся с аппаратной работой, покорпев в райкоме (об этом повесть «ЧП районного масштаба»). Аппарат и писательство несовместимы. Газета – другое дело, это живой, творческий процесс. Меня позвали в «Литературную газету» в 2001 году. Тогда в основном печать была захвачена либералами. Такие издания, как «Завтра», преемница «Дня», «Наш современник» целенаправленно маргинализировались. Я подумал: надо отвоёвывать, как у мавров. И тогда в «Литературной газете» появились имена Распутина, Белова, Проханова, крупнейших русских писателей, которых в «Литературной газете» не упоминали десять лет. Вернулся на логотип профиль Горького. Но без малого семнадцать лет работы на посту главного редактора мне хватило. Я ушёл по своему желанию, сил и на газету, и на литературу уже не оставалось. Я выбрал творчество. Если бы остался, то не представлял бы сейчас третью книгу «Совдетства».

Екатерина ГЛУШИК. Вы говорили о классике. Извините мне открытую лесть, но ваши произведения – это современная классика: прекрасно написанный текст, который хочется перечитывать – романы ли это, стихи ли, публицистика ли, беседы ли с вами. А преподавать в Литинститут вас не звали?

Юрий ПОЛЯКОВ. Охотно извиняю. В Литинституте я работал. Когда умер писатель Владимир Амлинский, который вёл семинар прозы, меня попросили довести студентов до диплома. Позднее ректор Литинститута Сергей Есин уговаривал меня, но на мне была «Литературная газета», а это нереально – серьёзно заниматься преподаванием, писать книги и быть главным редактором. Где-то пришлось бы халтурить, а я так не умею. При нынешнем руководстве Литинститута сотрудничество исключено. Я не был сильно удивлён, когда узнал, что часть студентов Литинститута выступила против СВО. Напомню, 23 июня 1941 года студенты, даже студентки Литинститута подали заявления, чтобы идти добровольцами на фронт. Почувствуйте разницу.

Екатерина ГЛУШИК. Прочитала опросы в немецком обществе: какие профессии наиболее уважаемы. Это писатель и учитель. Несколько лет назад подобный опрос проходил и в нашей стране. И тоже: учитель, врач, писатель. Вы работали учителем, сейчас – писатель. Чувствуете уважение и доверие общества, ответственность перед людьми?

Юрий ПОЛЯКОВ. Опыт преподавательской работы у меня небольшой. Хотя повесть «Работа над ошибками», написанная на основе моего опыта работы в школе, была опубликована в журнале «Юность» Андреем Дементьевым и имела в своё время широкий резонанс. Её обсуждали, инсценировали, экранизировали. В Ленинградском ТЮЗе её поставил ушедший недавно из жизни мой товарищ, очень талантливый режиссёр Станислав Митин. Два с половиной часа шёл спектакль, а потом ещё два с половиной часа гремела дискуссия между учителями, старшеклассниками, родителями. И тогда я подумал: если такие страсти кипят из-за проблем, которые ты поднял в повести, надо очень ответственно относиться к своему слову. Писатель всегда находится между Сциллой и Харибдой. Приукрасишь ре-

альность, скажут: что ж ты врѣшь, как сивый мерин! А сгустить краски, возмутятся: что ж ты, вражина, клеветашь на нашу родную страну! Вот и соображай...

Екатерина ГЛУШИК. А в детстве кем мечтали быть?

Юрий ПОЛЯКОВ. Мысли о литературном поприще меня посещали, но как некая мечта. Архитектором одно время хотел стать, даже занимался на подготовительных курсах архитектурного института. Ребята шептались, что на первом курсе на кафедре рисунка будет обнажённая натура... Не сложилось, пошёл на литфак, где девушек было очень много, но все одетые.

Екатерина ГЛУШИК. Да, было бы обидно, если бы вы не написали «Совдетство», а вместо этого стали министром. Книга очень популярна. О ней говорят, просят писать продолжение. Чем объясняется её успех?

Юрий ПОЛЯКОВ. Во-первых, каждый человек помнит своё детство. В течение дня мы не раз вспоминаем его. Так устроено наше сознание. Второй момент – мощная традиция: практически все крупные русские писатели создали замечательные произведения, посвящённые детству. Кто-то, как Лев Толстой, начал с них жизнь в литературе, кто-то, как Лев Кассиль, обратился к теме в середине жизни, Аксаков и Шмелёв – на склоне лет. Это мощный пример, и он увлекает, думаешь: может, и мне попробовать? Окончательно я решил сесть за этот цикл, когда мне присудили стараниями Михаила Чванова премию Аксакова. Вручать должны были в Уфе, у меня было месяца полтора до этого торжества, и я подумал, что надо бы освежить в памяти «Семейную хронику», чтобы не ударить в грязь лицом. Перечитывал и думал: Боже, какая грандиозная литература и по языку, и по типажам, и по вкусу времени. В юности этого ещё не понимаешь. Тогда-то и решил попробовать.

Когда первая книга, выпущенная издательством «АСТ», мгновенно разлетелась, решил: пока идёт, буду продолжать. И вот уже третья книга. Будет и четвёртая, последняя. Про школьные будни, про мою 348-ю школу. А то Юра Полуяков выглядит каким-то бездельником: то в пионерском лагере прохлаждается, то собак гоняет по Балакиревскому переулку, то едет с родственниками на Чёрное море дикарём. Бог даст, к своему семидесятилетию напишу.

И третий фактор. Неслучайно подзаголовок «Совдетства» – «Книга о светлом прошлом». Меня возмущает, какую чепуху о своём советском детстве пишут иные мои сверстники, словно они в Освенциме выросли, все эти девочки-мальчики из благополучных номенклатурных семей. Такое ощущение, что у советской власти со всеми её карательными органами не было более важной задачи, чем отравить детство какой-нибудь Люде Улицкой или Вите Ерофееву. Политбюро собиралось, и Брежнев строго спрашивал: «А какую ещё гадость мы этим несчастным детям сделали? Где Госплан? Надо срочно что-то придумать!»

Екатерина ГЛУШИК. Говорили вы себе: ай да Поляков, ай да сын такой-сякой?

Юрий ПОЛЯКОВ. Я чаще называю себя «сукиным сыном» в прямом значении: когда что-то не получается. Я не принадлежу к писателям, которые получают кайф от процесса написания. Это тяжёлый труд, связанный с постоянным недовольством собой. У меня много вариантов и редакций. Текст поэтапно шлифуется. Последнюю редакцию я называю «работа нулевой шкуркой». Кто имел дело с деревом, знает – это уже почти бархат, замша. Вот это я люблю, и в такие минуты нет-нет, но обзовёшь себя «сукиным сыном» в пушкинском смысле.

Екатерина ГЛУШИК. Создание Национальной ассоциации драматургов – это необходимость или прихоть?

Юрий ПОЛЯКОВ. Несколько лет назад мы с единомышленниками создали эту ассоциацию – НАД – и стараемся что-то делать в области драматургии. В газете «Культура» у меня недавно вышло большое интервью, во многом посвящённое проблемам театра. НАД создан не случайно. Когда в России 2019-й объявили Годом театра, я был председателем Общественного совета при Министерстве культуры, и вот тогдашний министр Владимир Мединский нас собрал по этому поводу. На этом совещании я сидел напротив Александра Калягина, который в то время был председателем Союза театральных деятелей. Спрашиваю: «Александр Александрович, вот список оргкомитета Года театра, в нём без малого сто фамилий, сплошные директора, худруки, финансисты, чиновники, но нет ни одного драматурга. Вы что ставите на сцене? Бухгалтерские отчёты? Вы же ставите пьесы! Где драматурги?!» Он на меня посмотрел, как Чичиков на Собакевича, ничего не ответив. Потом все сетовали: ах, как же так!

Но прошло время, состоялся съезд Союза театральных деятелей. Поменялся председатель. Новым был избран Владимир Машков, вроде бы патриот. Избран секретариат – сорок человек, и снова ни одного драматурга. Вы как собираетесь театр обновлять? За счёт классики и переводных пьес не получится. Национальный театр обновляется за счёт современной драматургии. Именно она диктует сценический язык, а не наоборот. Если ты одел Гамлета в памперсы, значит, по-новому прочёл Шекспира? Да ничего ты не прочёл! Это очередной эпатаж, который забудется, как только Гамлет поменяет пол. Все наши классики: Чехов, Островский, Андреев, Найдёнов, Горький, Эрдман, Булгаков, Вампилов и другие – сначала были современными, даже злободневными авторами, а потом уже стали классиками. Не Чехов появился, потому что создали МХАТ, а МХАТ возник, потому что появился Чехов.

Андрей Житинкин в Малом театре недавно поставил пьесу Розова «Вечно живые», идущую под киноназванием «Летят журавли». Оказывается, первый вариант пьесы Розов написал в 1943 году. А возможность поставить появилась только во второй половине 50-х годов на сцене юного «Современника». Улавливаете, что раньше? Вот почему наш театр плетётся в хвосте событий. Государство сыплет миллиарды, а они достаются экспериментальной чепухе, людям не интересной. Это драматургия для выездных театральных фестивалей на Запад: поставили, обгадили Отечество, вывезли, получили диплом в рамке, и тут же спектакль сняли с репертуара, потому что наш зритель на такое не ходит. Рад бы сказать оптимистические слова относительно театра, но пока не вижу поводов. Возможно, Владимир Машков оглядится на своём новом месте и поймёт, что есть ещё драматурги.

Екатерина ГЛУШИК. Из ваших пьес не выйдет театр, как он вышел из Чехова и Розова?

Юрий ПОЛЯКОВ. Я несколько раз обращался с предложением ещё к Мединскому, к другим высокопоставленным людям: дайте нам, НАДу, возможность создать театр современной драматургии. Не Школу современной пьесы, где был Райхельгауз, а теперь Астрахан, и хрен редьки не слаще. Я случайно в Баку на сцене русского драматического театра видел, что эта «Школа» показывала на 9 мая. Бедные азербайджанцы не знали, куда глаза девать. Однако наше предложение осталось без ответа. Видимо, нас, драматургов, развивающих лучшие традиции русского театра, побаиваются, как бойцов СВО, и по той же причине.

Екатерина ГЛУШИК. Ваша повесть «Сто дней до приказа» имела ошеломительный успех. На встрече с читателями женщина, работавшая в гарнизонной библиотеке, сказала, что на журнал «Юность» очередь была расписана на полтора года вперёд.

Юрий ПОЛЯКОВ. Написал я повесть в 1980 году, вскоре после возвращения из армии. Служил я в Группе советских войск в Германии. К моменту окончания повести я был довольно известным молодым поэтом, секретарём комсомольской организации Союза писателей. Повесть печатать сразу же запретили, но со мной работали – приглашали на беседы в Министерство обороны, в ГлавПУР (Главное политическое управление Советской армии и Военно-морского флота. – Ред.), в КГБ. Там меня не ругали, а старались объяснить позицию власти. Один толковый генерал сказал: ты пойми, как у нас устроено наше государство. Если мы признаём социальный недостаток, «узкое место», разрешаем напечатать об этом статью, издать книгу, снять фильм, Советская власть таким образом признаёт свои промахи и недоработки. Но тогда надо сразу же предложить систему мер по ликвидации этой язвы. Так работала система. Неплохо работала. Думаю, если бы не внутренняя измена, мы бы жили нынче при реформированном советском строе, социализме с элементами рынка, и олигархи, владеющие нашими недрами и оборонными заводами, никому бы даже в кошмарных снах не являлись. А «дедовщина», объяснял генерал, это настолько сложная, системная беда, что пока мы даже не знаем, как с ней бороться. Это болезнь всего общества, не только армии. Но мы над этим работаем. И вот в 1984 году мне звонит вхожий во властные коридоры приятель, говорит: было совещание по твоей повести в ГлавПУРе. Представляете уровень? По неопубликованной повести молодого автора проводят совещание. И начальник ГлавПУРа Лизичев сказал: повесть будем публиковать, но в нашей армейской печати, в журнале «Советский воин», у которого тираж – миллион экземпляров. Потом целый год будем там же обсуждать, спорить, возражать, в чём-то соглашаться, доводы приводить...

Это очень хороший ход. Я ведь тоже не во всём был прав. У меня-то взгляд на армию рядового срочной службы. А есть ещё офицерский взгляд, генеральский... Но перед публикацией решили проголосовать на коллегии, чтобы потом была, если что, коллективная ответственность. И вот на коллегии

один из заместителей Лизичева, генерал-полковник, заявил: «Я категорически против этой повести, она нанесёт урон нашим вооружённым силам. Если вы примете решение печатать, я напишу особое мнение в военный отдел ЦК партии». Кому нужны проблемы? Никому. Решили отложить публикацию. А фамилия того генерала – Волкогонов. Вот такие чудеса.

«Сто дней» напечатали в 1987 году, когда Руст приземлился на Красной площади. Думаю, эта посадка была инспирирована, Горбачёву надо было убрать военную верхушку, готовую его сместить. Жаль, не успели. Всех разом снимали, и главный редактор «Юности» Андрей Дементьев поставил повесть в номер. Ему сразу же позвонили из военной цензуры, мол, зря вы это сделали, мы всё равно не пропустим. На что Дементьев ответил: вы лучше бы Руста на Красную площадь не пропустили. И повесть вышла, наделав много шума. Но только спустя годы я понял: страна, где главный редактор может послать военную цензуру, долго не простоит. Это я вам говорю как большой поборник свободы слова.

Екатерина ГЛУШИК. Будучи главным редактором «Литературки», вы предпринимали попытки объединить писателей. Не получилось?

Юрий ПОЛЯКОВ. К сожалению, русские литераторы очень разобщены, свои амбиции они порой любят больше Родины. Все мои попытки сплотить и объединить братьев-писателей наталкивались на вопросы, а зачем это Полякову нужно? Он, наверное, хочет всех подмять и калифствовать. Давайте мы лучше накатаем на него клязу в Администрацию Президента. Наши либеральные оппоненты в этом отношении работают, как слаженная команда, которая выстраивается по первому сигналу. Союз писателей России такого влияния на процесс не имеет. Оно было утрачено, когда ушёл с поста могучий Сергей Владимирович Михалков, а авторитетный Юрий Васильевич Бондарев, утомившись рутинной, передал полномочия. Сейчас ситуацию героически пытается выправить нынешний председатель СП РФ Николай Фёдорович Иванов. Я ему, как умею, помогаю. Но восстанавливать морально-духовное влияние на власть и на читателя очень тяжело. Утратить легко, а возвращать трудно.

Екатерина ГЛУШИК. Чем объясняется ваша предельная смелость в высказываниях о текущих событиях? Вы не можете молчать и поступиться принципами или же за вами стена, или над вами крыша?

Юрий ПОЛЯКОВ. Я человек по природе своей неконфликтный, даже осторожный, предпочитаю худой мир доброй ссоре. Но всё это заканчивается, когда я сажусь за лист бумаги или выхожу к аудитории, тут в меня вселяется какое-то клиническое правдолюбие, и о последствиях сказанного или написанного я даже не задумываюсь. Возможно, часть писательского дара состоит именно в этой безотчётности. Не знаю...

Екатерина ГЛУШИК. Высокий чин в области московской культуры посетовал, что деятели искусств либо уехали, либо, оставаясь здесь, ведут себя в лучшем случае вульгарно, но их не отстраняют от кормушек и эфиров, дабы не создавать культурный вакуум. Но, наверное, всё-таки лучше вакуум, чем клоака, лучше ребёнок один дома, чем под присмотром педофила.

Юрий ПОЛЯКОВ. Безусловно. Но проблема залегает гораздо глубже. Людей, проявивших себя в это трудное время как откровенных отчинофобов, не удаляют из эфира, из культурного пространства, из советов и комиссий потому, что вернуться к прежнему, «дозэсвёошному», миру мечтают не только Галкины (иностраннный агент Максим Галкин – Ред.), Малкины и Залкинды, а очень многие влиятельные люди по власти. Им там было гораздо комфортнее. А нам нет. От того, кто одолеет, зависит судьба России.

Екатерина ГЛУШИК. Вы пришли в литературу как лирический поэт. А сейчас вы – саркастический поэт: очень актуально и остроумно комментируете те или иные события на своей странице в «Телеграме», например.

Юрий ПОЛЯКОВ. Я, мало кто знает, начинал как пародист, и эта сатирическая закваска во мне сохранилась по сей день, а теперь вылилась в виде острых политических эпиграмм на моем телеграм-канале. Вот, навскидку:

Я, товарищи, балдею:

Вот ещё Чубайс сбежал.

Как один, все в Иудею,

Хоть бы кто в Биробиджан...

Екатерина ГЛУШИК. Встречаетесь ли со школьными, студенческими приятелями?

Юрий ПОЛЯКОВ. Да, конечно, с однокурсниками встречаюсь часто, с одноклассниками реже, класс у нас оказался недружный, вероятно, из-за того, что как раз в ту пору началось расселение коммуналок, и коллектив всё время менялся... Но могу вам сказать, что на презентацию «Советства-2» я пригласил в Большой зал Дома литераторов мою одноклассницу Шуру Казаковцеву, ставшую прототипом Шуры Казаковой, сквозной героини цикла «Советство». Собравшиеся на неё посмотрели и согласились с авторской привязанностью к этому персонажу.

Екатерина ГЛУШИК. Служба в армии для вас была школой жизни или «потерянным временем»?

Юрий ПОЛЯКОВ. Из армии я вернулся с сотней новых стихотворений, составивших мои первые сборники. Там же я задумал «Сто дней до приказа». Там, в Германии, я осознал патриотизм как внутренний императив:

И как-то сразу подобрать душой.

Душой понять однажды утром сизым,

Что пишут слово «Родина» с большой

Не по орфографическим капризам.

Это 1977 год, ГСВГ, Гарнизон Дальгов. Но главное: армия научила меня находить общий язык с людьми разных национальностей, социальных страт, психотипов и ухваток. Это уникальный опыт, очень пригодившийся мне в жизни и в литературе.

Екатерина ГЛУШИК. Юрий Михайлович, спасибо за интересный и обстоятельный разговор.